

Глава 1. Как ты и хотел, я умираю.

Первым, что ощутил Янь Цзиньюй, была боль — тупая, сокрушительная, словно его грудную клетку проломил тараном. Он даже не разглядел нападавшего, помнил лишь вспышку агонии в груди да мрак, поглотивший сознание. А потом — ничего. Пустота.

Когда сознание нерешительно вернулось, цепляясь за рваные обрывки реальности, первая мысль, туманная и вязкая, пронзила затуманенный разум: «Я... ещё жив?»

Зная наперечёт все трещины в своей изломанной телесной оболочке, он понимал: такой удар должен был развеять его душу горсткой пепла. Уцелеть, сохранить хотя бы тень жизни, казалось невыносимым чудом.

Пока он бесцельно дрейфовал в тумане боли, до его слуха донёлся девичий голос, чистый и звонкий:

— Кто он вообще такой? Надо же, Ваше Превосходительство не поскупился на пилюлю Цуйвэй.

Ресницы Янь Цзиньюя едва заметно дрогнули.

Ваше Превосходительство... Он помнил, что удар настиг его в Хутяне, святой земле бессмертных кланов. А в нынешнем Хутяне так могли называть лишь одного человека. Пилюля Цуйвэй, хоть и считалась диковинкой из древних трактатов, чьи составляющие почти невозможно отыскать, для него не была чем-то недостижимым...

Но как его узнали? Его лицо давно превратилось в неузнаваемую маску.

— Да никто, похоже, просто какой-то бедолага, — раздался на этот раз голос юноши. — Ваше Превосходительство ошибся, принял его за другого. Вот и принёс сюда, чтобы подлатать.

Янь Цзиньюй мысленно поставил вопросительный знак.

Сознание, до этого вязкое, как патока, начало проясняться.

Значит, «Ваше Превосходительство» — это не Цинь Чжунью? Пожалуй, в этом есть смысл. За пределами святой земли того звали Владыкой Меча Тяньи, и здешние заклинатели, скорее всего, обращались бы к нему «Владыка Меча».

Что ж, угодить под горячую руку по ошибке — досадная неудача, но в этом море несчастий нашёлся и островок везения. Раз уж его спаситель готов потратить драгоценную пилюлю Цуйвэй, значит, он человек чести, следующий кодексу цзянху. Можно считать, что их знакомство скреплено поединком.

Янь Цзиньюй быстро смирился с ситуацией и, подавив стон, тихо кашлянул, приоткрыв глаза на тонкую щель. Тотчас же вновь прозвучал девичий голос:

— Он очнулся! Я сообщу Вашему Превосходительству!

Лёгкая тень стремительно метнулась прочь. Янь Цзиньюй прищурился, оберегая глаза от яркого света, и отметил про себя, что уровень совершенствования этих юных слуг, должно быть, весьма высок.

— Как ты? — Юноша оказался на удивление участливым. Он подошёл ближе. — Всё ещё болит? Пить хочешь? Сесть? Давай помогу!

Не дожидаясь ответа, он бережно подхватил Янь Цзинъюя под спину и помог опереться на изголовье кровати. Острая боль пронзила грудину, заставив его скривиться. Он прижал ладонь к ране. Грудина, некогда крепкая, подалась внутрь, едва ощутимо прогнувшись. Без сомнения, её попросту вбили в тело.

Бледный, покрытый бисером холодного пота, Янь Цзинъюй с трудом выровнял сбившееся дыхание.

Юноша смущённо почесал затылок.

— Э-э-э... я принесу тебе воды.

Не успел Янь Цзинъюй и кивнуть, как тот исчез — так же молниеносно, как и девушка. Движения, недоступные простым смертным. Придерживая ноющую грудь и тихо покашливая, Янь Цзинъюй принялся осматривать помещение, пытаясь по убранству угадать личность таинственного «Вашего Превосходительства».

Вскоре он понял, что находится не в комнате, а в дворцовом зале. Высоченные потолки подпирали массивные колонны из чёрного золота. Искусная резьба украшала и крышу, и предметы интерьера, в воздухе же курился тысячелетний белый сандал — его густой аромат исходил от курильницы, выкованной из уцзиня.

...Кто же он такой? Пусть Янь Цзинъюй и провёл последнее столетие в мире смертных, редко возвращаясь в мир совершенствующихся, но о человеке с таким размахом он не мог не

слышать. Раздавать направо и налево древние лекарства, жечь драгоценный сандал днём и ночью, делать из уцзиня — металла, за которым охотилось большинство заклинателей для создания божественного оружия, — обычную курильницу... Да и его юные последователи достигли как минимум сферы Парящих Облаков. С таким состоянием и такой спесью этот человек должен был греметь на весь мир.

Янь Цзиньюй перебрал в уме всех известных ему заклинателей, но не нашёл никого, кто подходил бы под описание. Разве что...

— Вода. — Перед его лицом возникла чаша из тончайшего фарфора. Янь Цзиньюй принял её и жадно смочил пересохшее горло. Юноша продолжил: — Это наша вина, признаю. Мы пришли в Хутянь, чтобы свести счёты с вашим Бессмертным Владыкой Дуфаном, но по пути наткнулись на тебя. Наше Превосходительство и сам не понял, как так вышло, но он принял тебя за него.

Рука Янь Цзиньюя, державшая чашу, ослабела, но юноша заботливо придержал её, не дав воде расплескаться. Название это показалось смутно знакомым, но память, затуманенная болью, отказывалась подбрасывать подсказки...

Юноша, поворачивая глазами, с любопытством спросил:

— Ты как-то связан с Янь Цзиньюем?

Рука Янь Цзиньюя дрогнула так сильно, что вода выплеснулась бы ему на грудь, если бы юноша вовремя не подхватил чашу. Он с недоумением воззрился на своего гостя.

Зайдясь в приступе кашля, чтобы скрыть смутение, Янь Цзиньюй вдруг вспомнил. Словно вспышка молнии в ночи. Бессмертный Владыка Дуфан — так его звали в юности. Воспоминание столь далёкое, что он и сам почти стёр его из памяти.

— Кха... Ваше Превосходительство и... кха-кха... Янь... у них какой-то конфликт? — изобразил он удивление. Юноша, в силу своего возраста, тут же попался на удочку.

— Да какой там конфликт! Сущяя вражда! Этот Янь Цзиньюй — коварный и хитрый лис, он в прошлом немало крови нашему Превосходительству попортил! Возглавлял засады и облавы, лично столкнул его со скалы! Ваше Превосходительство несколько раз был на волосок от гибели из-за него! А в битве у Бескрайнего Моря он и вовсе разрушил его духовную обитель, после чего нашего господина едва не сожрали заживо! Когда Ваше Превосходительство вышел из уединения, он поклялся: в этой жизни либо он, либо Янь Цзиньюй. Третьего не дано!

— Кха-кха-кха-кха! — В глазах Янь Цзиньюя потемнело. Из рассказа юноши он наконец понял, кто нанёс ему тот роковой удар. В этом мире хватало желающих с ним расквитаться, но тот, кого он лично загонял в угол, сталкивал со скалы и с кем сражался в великой битве у Бескрайнего Моря, был лишь один.

Тот безумец не ошибся. Он бил наверняка. И спас его с помощью пилюли Цуйвэй не из-за какого-то кодекса чести...

Он хочет пытать меня. Заставить молить о смерти!

Алая струйка крови прочертила путь из уголка его губ. Янь Цзиньюй страдальчески нахмурился. Стоявший рядом юноша, до этого пребывавший в нерешительности, при виде крови вострепнулся. Он торопливо извлёк ещё одну пилюлю и, скрипнув зубами, сунул её в рот раненому.

— Это пилюля Возвращения Крови! Каждая стоит тысячу первоклассных камней, вещь редчайшая! Так что держись, иначе пилюля Цуйвэй пропадёт зря...

Лекарство скользнуло в горло, и на краткий миг мучительная боль в груди отступила. Юноша подложил за спину Янь Цзинъюя подушку, чтобы тот мог удобнее опереться — очевидно, чтобы драгоценные пилюли не были потрачены впустую.

Переведя дух, Янь Цзинъюй слабо поднял взгляд.

— Но разве Янь Цзинъюй... не мёртв уже сотню лет?

Юноша, казалось, не ожидал, что тот, находясь на смертном одре, проявит интерес к сплетням. Он попробовал было сдержаться, но не смог.

— Я тоже слышал. Сто лет назад Янь Тинсюань провалил своё вознесение. Поместье Янь вырезали подчистую, а от Янь Цзинъюя и праха не осталось. Говорят, Цинь Чжунъю весь мир перевернул, но так и не нашёл его следов. По всем признакам, он и впрямь должен быть мёртв...

Янь Цзинъюй согласно кивал, медленно и заторможенно, выдавая тяжесть своих ран.

— Но наше Превосходительство уверен, что Янь Цзинъюй не мог умереть.

— На... кха... — Янь Цзинъюй прочистил горло, собрав остатки сил. — На каком основании?

— Понятия не имею, — пожал плечами юноша. — Перед тем, как выйти из уединения, Ваше Превосходительство велел Хранителю отправиться в Пещеру Духов и разыскать следы Янь Цзинъюя. Мы сверили всех заклинателей из «Записей о прославленных бессмертных», но никто не подходил под его описание.

Конечно, они не могли его найти. Если искать человека по меркам столетней давности, то это пустая затея. Нынешний он был слабее иного смертного, какое уж там место в «Записях о прославленных бессмертных».

— Хранитель тоже решил, что Янь Цзинъюй мёртв, и доложил об этом нашему господину. Но тот, даже узнав обо всём, остался непреклонен. Он твёрдо верит, что Янь Цзинъюй жив, и настоял на том, чтобы лично отправиться в Хутянь на его поиски.

Янь Цзинъюй промолчал.

Сто лет минуло, а этот упрямец ничуть не изменился. Всё такой же твердолобый и одержимый. Порой казалось, что в его жилах течёт кровь демонов-зверей.

Прикрыв рот ладонью, он снова кашлянул.

— И чем же он подкрепляет свою уверенность?

— Янь Цзинъюй всегда был коварен и хитёр, его уловкам не было числа. К тому же, он от рождения обладал Искусством Небесной Судьбы, что позволяло ему предвидеть будущее. Ваше Превосходительство считает, что такой человек непременно оставил бы себе путь к отступлению.

...На этот раз никакого пути к отступлению не было. Янь Цзиньюй не знал, что и думать: то ли его враг слишком высокого о нём мнения, то ли слишком низко ценит саму судьбу.

— Но поход в Хутянь так и не принёс плодов, Янь Цзиньюя не нашли, зато... — Взгляд юноши переместился на него. Янь Цзиньюй напрягся. Юноша медленно покачал головой. — Знаешь, когда Ваше Превосходительство внезапно напал на тебя, я и впрямь подумал, что Янь Цзиньюй жив. Но в легендах говорится, что он обладал обликом сосны под снегом и ликом небожителя. Твоя внешность не совпадает. К тому же... ты ничтожество...

Янь Цзиньюй устало вздохнул.

Снаружи послышалось движение. Лёгкие шаги девушки, а следом — твёрдая поступь чёрных сапог, пересёкших порог зала.

Янь Цзиньюй повернул голову и встретился взглядом с парой глубоких глаз. Их тьма походила на бездну, один взгляд в которую рождал первобытный страх.

Под гнётом абсолютного превосходства в силе юноша мгновенно отскочил от кровати и почтительно замер в стороне.

Смешанные чувства обуревали Янь Цзиньюя.

Он знал — его узнали. Пусть он и не понимал, как это возможно, когда от него прежнего осталась лишь тень, но одного взгляда хватило, чтобы понять — обман не пройдёт. Этот человек был уверен, что перед ним Янь Цзиньюй.

Раз уж попал в ловушку, оставалось лишь улыбаться. Он выдавил из себя слабую улыбку. Незнакомец тем временем подошёл к самой кровати и, окинув его долгим, изучающим взглядом, спросил:

— Не узнаёшь меня?

Двое юных слуг с недоумением переглянулись за его спиной. Янь Цзиньюй, помедлив в неловкости, уклончиво ответил:

— Благодетель.

Мужчина навис над ним, давая понять, что не потерпит увиливаний. В его голосе прозвучала сталь.

— Моё имя.

На таком близком расстоянии в его тёмных зрачках можно было различить едва заметные золотисто-алые искорки. Сердце Янь Цзиньюя пропустило удар, отозвавшись глухой, тупой болью.

Его губы шевельнулись, и он медленно произнёс:

— Ляо Чэнь.

Это имя сжало его сердце в тугой, ледяной узел.

Он смотрел в золотисто-алый отблеск в тёмных глазах врага, видел, как напряжённые черты его лица постепенно смягчаются, и чувствовал, как кровь беззвучно подступает к горлу.

Она уже коснулась гортани, но он с усилием сглотнул. В следующую секунду нахлынула новая, более мощная волна. Он сглотнул снова. Выражение лица Ляо Чэня вновь стало тяжёлым, и тогда Янь Цзинъюй не выдержал. Он согнулся пополам, и фонтан алой крови вырвался из его рта. Безумный, рвущий лёгкие кашель забрызгал его лицо и грудь багровыми крапинками.

Ляо Чэнь...

Его заклятый враг, с которым они поклялись биться насмерть...

Достиг стадии Демонического Бога.

Тело Янь Цзинъюя безвольно согнулось. Он кашлял так, словно обезумевший зверь метался в его груди, круша всё на своём пути. Тьма вновь начала затягивать его в свою воронку.

В рот втиснули ещё одну пилюлю. Чья-то рука легла ему на грудь, и в тело хлынул поток безбрежной духовной энергии. Организм Янь Цзинъюя, давно отторгший любую духовную силу, на мгновение отозвался на это вливание, впитывая крохи живительной влаги. Его ресницы дрогнули. Он поднял глаза на Ляо Чэня, и на его бледном лице отразилась вся гамма чувств — от горечи до яростного отчаяния.

Лицо Ляо Чэня было не менее сложным.

— Как ты превратился в такое ничтожество?

Новая волна гнева заставила Янь Цзинъюя закашляться. Закатив глаза, он выдохнул:

— Как ты и хотел. Я умираю.

<http://bllate.org/book/15176/1342978>